Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора

В. Г. Виноградский

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Данный аналитический текст представляет собой результат интерпретаций многолетних и многократных интервью с главой домохозяйства кубанской станицы, матерью троих детей Любовью Курановской, которая в своих размышлениях над вопросами социолога воссоздала широкую и детализированную панораму крестьянской повседневности, живую картину трудов и дней сельской формальной и неформальной экономики. Впервые публикация, анализирующая интервью Курановской, записанные в 1999–2000 годах, вышла в свет 15 лет назад в двух номерах журнала «Социологические исследования» за 2002 год. Сохранив найденный в 2002 году публикационный формат данного исследования, автор попробует разобраться в новых жизненных практиках Любови Ивановны, особо исследуя те зоны ее семейной экономики, которые принято обозначать терминами «неформальная», «эксполярная», «теневая», «невидимая». Респондент рассказывает о своей жизни просто, искренне, доверчиво, живоп исно. Ее язык во многом говорит сам за себя — рассказчица выстраивает некие опорные точки собственного мира для поисков осмысленного движения среди неустойчивых явлений окружающей ее хозяйственной жизни. Фрагменты нарративов, записанные в 2000-м и в 2012-м годах и ранее не публиковавшиеся, сопровождаются краткими комментариями, в которых увязываются нынешний и прежний жизненный опыт Любови Ивановны.

Ключевые слова: глубинное интервью, виды неформальности, семейная экономика, крестьянские жизненные практики, крестьянские миры, социология села, дискурс сельской повседневности

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-101-120

Любовь Ивановна Курановская, 1964 года рождения — высокая, моложавая, симпатичная женщина, с темными глазами, густыми каштановыми волосами и постоянной задумчивой улыбкой. Мои коллеги и я познакомились с ней и начали вести социологическую работу еще в конце 1990-х годов, в рамках Второго крестьяноведческого проекта Теодора Шанина. Люба родом с Украины, выросла в многодетной крестьянской семье. Переехала в кубанскую станицу, выйдя замуж за здешнего хлопца. Семейная жизнь не задалась: развод, второе замужество, трагическая гибель мужа. И трое — Женя, Леша и Лена — детей от двух отцов. Выбранные для на-

стоящей публикации беседы с Любой могут быть интересны как определенные варианты дискурсивных манер рассказчицы — эти две аудиозаписи приписаны к двум временным точкам ее биографии, между которыми прошло более десяти лет. Поэтому вход в эти речевые пространства не только позволяет нащупать меняющийся рельеф жизненного мира Любы, но и дает шанс заметить эволюцию самого строя ее обстоятельного повествования, увидеть, как сама она объясняет причины и логику своей упорной, круглосуточно включенной, бесконечно возобновляемой бытийной энергетики.

Запись 2000 года (фрагмент)

Раньше в колхозе можно было достать все что тебе угодно. И не только за бутылку. Если есть у тебя ночной водитель — поехал, наворовал, и славно! Все есть! Сейчас это прикрылось. Председатель и раньше начал потихоньку прижимать, а сейчас приглашают омоновцев, милицию. И колхозные ресурсы стали почти недоступными. Корма можно было раньше купить за бутылку, а теперь за бутылку ничего не купишь. Только за деньги. Ну, алкаши воруют сейчас для тебя и за бутылку, но это редко. Только когда у него душа горит, похмелиться. Конечно, воровство у нас не кончится совсем. Потому что только на зарплату невозможно жить! Начальство будет прижимать, и цены резко пойдут вверх за ворованную продукцию, но воровство на нет не сойдет. Вот если раньше мешок корма стоил 20 рублей, то он сейчас стоит в два раза дороже. А если будет ОМОН, то корм будет стоить 60–70 рублей. То есть ребята будут рисковать и требовать платы за этот риск. Сейчас я этим не пользуюсь... У меня нет сейчас много птицы, и поэтому я к этому сейчас не прибегаю. А раньше, когда я поросенка держала, я этим постоянно пользовалась. Я просто нашла человека, который не за бутылку возил мне, а за деньги. Но сейчас так всех зажали, что они не могут украсть на работе. И поэтому мы сейчас ищем другие ресурсы. Грибы собираем! Целую неделю ели, когда дожди шли. Да еще и шесть банок на зиму закатали. Потом пойдет шелковица, дикие абрикосы — все это закатаем на зиму. Я не впадаю в отчаяние потому, что я всегда готова к самому худшему. То есть я думаю — вот не будет у меня зарплаты, или получу я маленькие алименты, или не принесут мне пенсию. Что я буду делать? Вот у меня последний месяц был очень трудный. Мы почти ничего в дом не покупали. Но мы прожили. Но когда у меня появились деньги, я сразу подумала, что мне и то надо, и это надо, и другое надо. Сразу появилась масса проблем, что купить. И соблазнов... Бывают такие дни, что мне жить не хочется. Я не могу любить жизнь тогда, я ее ненавижу. Эту неразбериху, эту неустроенность... Но это только тогда бывает, когда я болею, когда у меня нервная система дает сбой. То есть я всегда исхожу из худшего. Ведь я могла бы каждый месяц не получать зарплату, но я ведь ее получаю. Я могла бы скатиться, как некоторые семьи, но я до сих пор держусь. У меня нет того, но у меня есть что-то другое, чего нет у других. Я, например, хожу до кумы, наблю-

даю их хозяйство, их жизнь, но я им не завидую. У меня нет такой черной зависти по поводу того, что у них все есть. А я знаю такую женщину, которая завидует: «Все есть, и такие жадные...» — А кто тебе не дает заниматься?! Занимайся!.. Они всю жизнь вкалывают. Они воруют, если говорить честно. Но они при этом держат своего хряка, свою свиноматку. Они хряка дают напрокат, они рано-рано покупают цыплят, и хозяйка возле них крутится день и ночь, чтобы с них что-то вышло. У них есть такая возможность, потому что у них есть летняя кухня. Вот она к себе мать перевезла и печалится, что кухня будет занята и она не представляет, куда она денет цыплят. И ее страшит, что помещение для цыплят ушло. У меня-то его и не было, а у нее было, да ушло. Потом — они тоже стараются, цепляются, чтобы не упасть ниже того уровня, на котором они сейчас находятся. Мне кажется, что люди сейчас не стараются нажить что-то. Это делают буквально единицы. Они стараются в период этой неразберихи нажить больше, чем имеют. В основном люди стараются удержаться на той планке, где они были раньше. И когда они немножко начинают опускаться вниз по лесенке, для них это кошмар. И они начинают плакать и жаловаться. Говорить, как они жили раньше — лучше, чем сейчас. А я готова к самому худшему. Я чувствую, что я скатываюсь вниз, что на меня эта неразбериха плохо действует. В то же время я думаю, что я еще держусь на плаву. У меня и запасы есть, у меня и дети учатся, и на лекарства хватает, чтобы пролечить детей. То есть я держусь на этой, низкой, планке. Чтобы все было заплачено — за свет, за газ, чтобы дети учились, чтобы я никому не была должна. И если разобраться, куда всего больше я вгоняю деньги, так это учеба сына, здоровье детей и чтобы я никому не была должна. Потому что если я буду должна — за свет, за воду, это будет меня очень сильно давить. Все говорят — замуж, замуж выходи. А я не хочу. Я боюсь, что новый человек в семье собьет меня с этого ритма, к которому я уже привыкла и притерпелась. Поможет он мне в жизни или нет — это еще вопрос. А вот что он меня собьет с этого ритма жизни — это меня больше всего страшит. К тому же это новые расходы... Да, он может что-то в семью принести... Но еще неизвестно, сколько он принесет и сколько он будет тратить? И вдруг он потянет ресурсы из моего бюджета? Он у меня и так трещит по всем швам, а если еще новый человек оттуда потянет, так это просто жизненная катастрофа. Гибель «Титаника»! (*Смеется.*) Хорошо, если новый человек собьет меня с ритма в хорошую сторону. То есть мы лучше станем жить, продолжим строиться... А если нет?! Сейчас же в жизни мало таких мужчин, которые бы хорошо зарабатывали, что-то умели делать, и от этого бы была помощь моей семье. А сватаются сейчас всякие: и разведенные, или такие, которых никто не берет, или такие, которые не были женаты никогда и они на старости лет хотят к кому-то приклеиться... Это опасный выбор. И мало того что муж может меня сбить с материального ритма — он ведь может сбить меня с ритма нервного. То есть сейчас моя главная мечта — выжить! И определить детей. А на дальнейшее мои меч-

ты: чтобы у меня в старости был свой уголок и чтобы я не мешала детям. И чтобы у молодых был уголок. Я бы жила в этой кухоньке — много ли мне надо, старушке?! Люди меня постоянно нудят: давай, мол, продавай дом, покупай более скромный. Они это постоянно твердят! Вот сегодня утром дядя Коля опять начинает меня тревожить. А я как будто воды в рот набрала. Молчу, и все. А про себя думаю: если вы так обо мне печетесь, так помогите мне! Дайте мне денег! Помогите мне потолки подбить — вы же мужчины! (*Смеется.*)

Постепенно, с разворачиванием повествования, в рассказе Любы Курановской начинают понемногу копиться сюжеты, о которых деревенские респонденты обычно умалчивают — то ли опасаются, то ли скромничают. Но из песни слова не выкинешь. Дискурс крестьянской повседневности поколения «детей» не может не включать в себя событийные сгущения, общее обозначение которых — неформальная экономика. Так принято обозначать довольно широкую панораму активности субъекта, который так или иначе вовлечен в совокупность отношений, не отражаемых в официальной отчетности и не фиксируемых в формальных контрактах. В качестве одной из важных тем анализа неформальной экономики («политэкономии обочин») Т. Шанин особо выделил вопросы «взаимосвязи технологий, ресурсов и умений» (Шанин, 1999: 554). В этой обширной картине эксполярности есть небольшой уголок, где и разворачиваются локальные тактические операции нашей рассказчицы. Они немногочисленны и скромны. Вот их отдельные примеры-кейсы: *«Единственное, что я могу себе позволить, — это рыба. Потому что рыбу можно выменять на самогон...» — «Я поливаю огород, рассаду лечебной грязью — развожу ее горсть на ведро воды. Ее трудно достать, ее строго учитывают. Но я понемногу из грязелечебницы выношу...» — «Я трачу деньги на то, что не портится, на то, что может полежать...» — «Корма можно было раньше купить за бутылку, а теперь за бутылку ничего не купишь...» — «Раньше, когда я поросенка держала, я этим постоянно пользовалась. Я просто нашла человека, который не за бутылку возил мне, а за деньги. Но сейчас так всех зажали, что они не могут украсть на работе. И поэтому мы сейчас ищем другие ресурсы...»* Эти краткие высказывания — только детали той дискурсивной машины, которая производит то «пробное составление мира», о котором писал Людвиг Витгенштейн. Которая оправдывает и непрерывно поддерживает волну жизненных усилий, предпринимаемых этой женщиной. Заметная их часть описывается параметрами именно неформальной экономики. Если воссоздать общий облик логики ее повседневного существования, то станет понятно, что она непосредственно сопряжена с такой экономикой. В самом деле, родовым признаком неформальной экономики является процесс сканирования социального и природного мира, в который вмонтирован субъект, с целью налаживания «вторичного контура» производства. В рамках последнего и происходит

разнообразная утилизация отходов, «вторичного сырья», всяческих остатков, запасов и резервов. Неформальная экономика — это система усилий, целью которых является поддержание полноты органического существования микросообщества, каким и предстает семья Любы Курановской. Это разветвленная система противостояния обстоятельствам, которые могут поколебать или нарушить стиль повседневного существования субъекта. Неформальная экономика — это орудие производства некоего общего «задела на будущее», представляющего собой накатанную колею, где не предполагаются неизвестные повороты и невиданные пейзажи. Этот задел определяет фундаментальные основы жизнедеятельности социального организма — проекты судеб детей, ритм существования, представление о социальной безопасности. Неформальная экономика заведует «вторичными ресурсами» социального бытия. Это подкладка, изнанка, подоснова жизни. Это «первичная грунтовка» главных, формальных, экономических процессов. Это пространство изобретательности, поскольку именно в сфере неформальной экономики субъект тотально и непрерывно отслеживает возможности. Это экономика обузданности, экономика смиренных надежд и скромных перспектив. Это экономика ближайших, интимных, личностно окрашенных контактов — как с природой, так и с локальным социальным окружением. Это тестирование пространства возможностей и его повседневная эксплуатация. Это экономика промежутков, ниш, зазоров, как социальных, так и экологических. Это экономика непланируемости, ситуативности, непредзаданности. Агент подобного рода экономики хорошо знает, что в жизни ему обязательно надо «не быть дураком». И поэтому он постоянно нацелен на рациональное использование ограниченных ресурсов. Но он об этом обычно помалкивает. Вслух же он выражается осторожно и неопределенно, оперируя поливалентным житейским термином «авось»: «Авось проживем. Авось повезет. Авось да сладится...» Видимо, это «авось», в котором скрыта возможность как победы, так и досадного промаха, и есть тот внутренний культурно-идеологический стержень, на котором держится социальная логика крестьянской неформальной экономики. Это «авось» включено и в дискурсивные практики крестьянских миров — как знание о том, что результат повседневных жизненных усилий будет неизбежно достигнут, какой бы трудный путь к нему ни вел. *«Я всегда исхожу из худшего. Ведь я могла бы каждый месяц не получать зарплату, но я ведь ее получаю. Я могла бы скатиться, как некоторые семьи, но я до сих пор держусь. У меня нет того, но у меня есть что-то другое, чего нет у других...»*

Запись 2012 года (фрагменты)

Живу я по-прежнему. Но стала старше. И — злее! (*Смеется. Пауза.*) Раньше я такая злая, как сейчас, не была. Но и то сказать, ведь раньше я жила жизнью своих детей. Им хорошо, их знакомым, их друзьям хорошо — и мне, стало быть, хорошо. И вот они выросли...

А у меня мужчина появился, четыре года назад. Мужчина-трудоголик. Это хорошо. Но он какой-то непонимающий, душевно глухой. И мне с ним тяжеловато. Он не понимает, что такое душевные чувства, отношения. Что такое жалость, не понимает. Если его где-то обидели — к нему не подходи. Ему никто не нужен. Единственная душа, с кем он ладит, так это с моей дочкой, Леночкой. Притирались мы с ним долго. Года два подряд у нас тут прямо-таки бойня была. Но я ему как-то так подчинилась и все. И пошло нормальное житье. Пацаны мои подросли, ушли из дома. Стыдно. Жалко. И ведь из-за него ушли. Потому что были войны. И «болезни» семейные — в смысле отношений детей с чужим мужчиной. Сейчас вроде переболели все. И сейчас у нас отношения наладились. Он приезжает постоянно, хотя и редко, по дому мне помогает. И деньгами помогает. Дочка Лена у меня учится на психолога. Иногда мне говорит: «Мама, этого человека переубедить невозможно!» Он живет не здесь, в станице, а в Тимашевке. Это за сто километров отсюда. Здесь, в Привольной, он работает, приезжает на три дня. Раньше мы с ним жили как муж с женой. Он на три дня приедет, работает, здесь живет. Потом мы с ним расставались, расходились. И предлог был уважительный — из-за мальчишек. Слава богу, предлог был хороший, чтобы расстаться. Все-таки тяжелый у него характер. Мы восемь месяцев не жили. Вообще, у нас совершенно разные характеры. Я покладистая, отходчивая. А он жесткий, строгий. Взрывной, злой. Но мне нравится его принцип жизненный «Все должны работать!». А я вот своих мальчишек к постоянному труду не приучила. Я считала так: «Ну, все хорошо, ребята подрастают...» А когда появился настоящий мужчина в доме, я поняла, что мои мальчишки ничему важному не обучены. Они как настоящие мужчины не состоялись. Как мальчишки — да. А как мужчины — нет!.. Я стала гораздо больше, чем раньше, заниматься домашним хозяйством, грядкой, живностью. С работы придешь... А я теперь работаю в школе, техничкой. Один день — с семи до двух, а в следующий день — с двух до семи. Ну вот, с работы придешь и сразу на грядку, к кроликам, к курам. И нынешний мой сожитель очень любит, когда я вкалываю. И хочет этого. Он говорит: «Что такое работа на других? Это так, ерунда, для денег. Но дом — вот что главное. Дом в основном кормит!» А раньше, как вы помните, десять лет назад, все было наоборот. Ведь тогда для меня именно работа была главным, а дом — как-нибудь, во вторую очередь, между делом. Мой нынешний друг мне сильно помогает по дому. Он все текущие ремонты поделал, комнаты привел в порядок. Он шофер, водитель. Работает на молокозаводе, в Тимашевке. Вот он все умеет делать руками, прямо-таки золотые руки. Краны починить, обои поклеить, покрасить — пожалуйста! Правда, в доме мало что капитально изменилось. Только вот обои новые. А вот во дворе у меня очень много что изменилось. Там сейчас прямо-таки шикарно! И вообще, гляжу я вокруг и не вижу мужчин, которыми можно восхищаться. Все они какие-то... притихшие. Руки вниз висят... А он в этом плане

молодец! За что ни возьмется, все приведет в порядок. Все делает правильно, красиво, все доводит до ума. И меня заставляет. В этом плане он меня попросту гонял, натаскивал, носом тыкал. И соседи это вмиг заметили: «Ты, Любочка, дюже много времени на грядке проводишь...» Вот как жизнь поменялась: когда дети мои были маленькие, круг забот моих был такой — приготовить поесть, постирать на них, убраться, помочь сделать уроки, в больницу отвести, из больницы привести... А сейчас дети подросли, разошлись по своим делам, и я одна. Чем мне заниматься? И я возле кроликов и возле птицы лазаю целоденно, на грядке работаю. Вот недавно так получилось, что я шесть соток соседских прихватила, работаю на них. Не в аренду, а так, по-соседски. Они, соседи, пчелами занимаются и на все лето с ульями уезжают — к цветам и полям. И чтобы не зарастал их огород, они мне его отдали во временное пользование. Тут главное для меня — тот огород вспахать, заплатить за пахоту. А потом на нем самой «пахать». И потому все, что на нем вырастет, — все это мое. И я соседям не плачу ни копейки. А соседка до смерти довольна, что я ее землю в порядке содержу. У нас в Привольной с этим строго — и станичное начальство следит, и соседи кости перемоют, если у тебя огород в бурьяне утонет. А потом навести порядок на земле будет очень трудно. А эти мои соседи для себя малюсенькую грядку посадили, с картошкой. Я и за ней слежу... Моя дочка Лена учится на психолога, в Ейске. Там есть педагогический колледж. Она уже на втором курсе. Будет учителем информатики и психологии. Основная специальность — информатика, а за специальность дополнительную — психология — надо приплачивать. Живет Лена там в общежитии. Приезжает домой раза два в месяц. А сын Леша подгадывает к ее приезду, созваниваемся...

«Укатали Сивку крутые горки». Если мысленно удалить из этой русской пословицы привкус безнадежности и погасшего азарта, но при этом оставить нетронутым указание на прожитое в праведных трудах время, сохранить запрятанный в ее семантической глубине намек на продуктивную биографию терпеливой «Сивки», то такая народная диагностика будет вполне применима к обновленной с годами «дискурсивной машине» Любови Курановской. Сообщив в начале нашего второго разговора, что она стала «старше и злее», рассказчица тут же освободительно и чуть ли не счастливо смеется. Этим чудесным жестом она стряхивает с себя заведомую угрюмость такой трезвой самооценки. И мы мгновенно понимаем, что Люба вошла в пору окончательной человеческой зрелости. Это ответственное состояние, кроме прочих его воплощений, непременно материализуется и в языке. Оно выходит наружу — в словаре, в интонации, в дискурсе житейской искушенности. Оно регулярно вспыхивает в моментах взвешивающей аналитики. Эта обновленная речевая походка будет отчетливо опознаваться во всем дальнейшем повествовании. И внимательный читатель, конечно, сам заметит,

насколько Любовь Курановская переменилась. Он увидит, в какой мере ее нынешние дискурсивные движения соразмерны с прежней, десятилетней давности, речевой архитектурой. Он поймет, в каком бытийном направлении движется эта бывалая, достаточно утомленная, много повидавшая на веку станичная «Сивка», укатанная, слава богу, не до бесчувствия, а напротив, раз за разом обнаруживающая в себе неведомые ранее бодрые черты. Нынешняя речевая манера Любы говорит сама за себя. И мне остается лишь перенацелить дискурсивный аналитический инструмент в зоны особых сгущений нарративного пространства. Их две. Первая: *«Я стала гораздо больше... заниматься домашним хозяйством — грядкой, живностью. А раньше, десять лет назад, все было наоборот. Ведь тогда для меня именно работа была главным, а дом — как-нибудь, во вторую очередь, между делом»*. Почему так? Что это? Вероятнее всего, это некий со временем все более укрепляющийся дискурс социального одиночества, в какое постепенно погружается всякий набирающий возраст человек. И накануне своего пятидесятилетия Люба Курановская с настроением житейской умудренности выстраивает систему непростых, но все-таки заметно успокоенных, вполне «устаканенных» отношений — как со взрослыми детьми, так и со своим сожителем Владимиром. Он «*какой-то непонимающий, душевно глухой. Мне с ним тяжеловато. Он не понимает, что такое душевные чувства, что такое жалость. Притирались мы с ним долго. Года два... Но я ему как-то так подчинилась — и все. И пошло нормальное житье...*» Вторая. Продолжают прибавляться примеры неформальных хозяйственно-экономических инициатив Любы: *«Недавно так получилось, что я шесть соток соседских прихватила, не в аренду, а так, по-соседски...*» И весь последующий ее рассказ наглядно воплощает одну из родовых черт неформальной экономики — ее способность непрерывного, чуть ли не «хищного», азартно-втягивающего отслеживания любых производственных возможностей. В масштабах деревни последние, как правило, микроскопичны. Но они вполне животворны. Они приурочены к тем бытийным уголкам, зазорам, нишам, где тотчас налаживаются и расцветают ближайшие, интимные, личностно окрашенные контакты — и с природой, и с локальным социумом. И далеко не случайна здесь дискурсивная интонация рассказчицы — уверенная, распорядительная, полная хозяйского достоинства. *«...все, что на нем вырастет, — все это мое. И соседям я не плачу ни копейки»*.

> Конечно, мой круг общения сузился, меньше стал. Я сейчас дружу с женщинами, смысл жизни которых в том, чтобы заработать. Не имеет значения, лучше или хуже меня они живут. Сам смысл их жизни заключается в том, что они работают, что-то делают, постоянно заняты. Они заняты, чтобы хоть как-то выжить в этой жизни. Я понимаю, что я чуть богаче живу, чем многие из них. У меня два

земельных пая. Один мой, а другой от мужа Ивана по наследству достался. Это почти десять га земли. Я с земли получаю три тонны зерна, сорок литров масла и два мешка сахара. Паи мои — в третьей бригаде, у Семейкина. Они мне сами из бригады мою натуральную долю за пай привозят. Но я и сама добываю натуру. Я, как и раньше, на полях колхозных семечку бью. Захожу в подсолнечник с мешками — и вот уже литров на пятнадцать-двадцать масла семечек набила. И у меня получается, что продовольствие имеется. И я часто девчонкам своим, которые со мной в смене работают, продукты даю. Либо маслом угощу, либо сахару на общий стол поставлю. Ведь у них нет стольких паев, как у меня. Я им это дарю, конечно. Ну что они там на полпая получают? Полмешка сахара и десять литров масла. И я понимаю девчонок: как они ни рвутся, как они ни тянутся, концы с концами им сводить тяжело. Денег нет, чтобы бутылку масла купить. А я налила, принесла — пользуйтеся, пожалуйста! К тому же я постоянно ныряю в поля — семечки бьем. Ведь на полях пока еще много шляпок остается. И мы добираем, для себя. Правда, сейчас для этих промыслов возможностей становится гораздо меньше. И дело не в том, что поля охраняют, не разрешают. Возможностей стало меньше, потому что в бригадах в последнее время стали резко переходить на пшеницу. А другие культуры сводят на нет. Вот перестали сажать свеклу. Перестали сеять семечку и кукурузу. Говорят, что это стало невыгодно. И это нас несколько напрягает. Мы в станице привыкли к чему? Дома, в своем хозяйстве управляться — это во вторую очередь. Там что-то подделал, там прополол, там полил, там загородил. И сразу мысли о другом. А о чем? Да о том, что надо быстренько бежать в поле колхозное! Оно ж рядом — как туда не пойти, как там не промыслить чего-нибудь для себя?! И если в этом году я себе украдкой не набью семечек, я себя прямо-таки уважать перестану... Вот они, семечки... (*Показывает на несколько мешков, стоящих у отопительного котла.*) С ними такая история. Сосед, старик, ехал домой из полей. С пчелами, на прицепе. И заметил, что в поле шляпки крупные остались. Идет ко мне и говорит: «Любочка, моя бабка боится ехать в поле, шляпки воровать. Поедешь со мной?..» А что ж не поехать! (*Радостно смеется.*) Как приехали, как глянули! Боже мой!.. Так мы целых четыре рейса, четыре набега в поле сделали. Мешка по три-четыре набили. Причем набили мы семечки мелкой, масляной. Это совсем не та семечка, которая идет на еду. Это не грызовая, а маслобойная семечка! Но люди больше любят именно крупную. Ее и погрызть можно, и продать стаканами можно. И вот они заходят в поле — э-э, мелкая семечка. И уходят. А те, которые хозяйственные и дальновидные, те больше уважают именно мелкую семечку. Ее можно сдать на завод и за это получить готовое масло. Семечку бить — это целая технология. Обычно так: тебя — с мешками, с ведрами, с палками — завозят тебя с утра в поле. Ты там работаешь часа три, украдкой, потихоньку. А потом тебя с полными уже мешками из поля забира-

ют. И вся любовь! Я вернулась, пообедала, управилась, сумку сложила — и на работу, школу мыть. Но в такие дни очень уставала! Но зато теперь... Ой, как хорошо, что я тогда уставала! (*Сердечно и глубоко смеется.*) А вот с кукурузой не повезло. Кукуруза стояла от меня за три поля. И я из-за семечек, от которых я дюже уставала, на кукурузу не набегла в этот раз. А можно было вполне насобирать початков — кролики очень кукурузу любят...

Как же все-таки переплетены и взаимосвязаны, казалось бы, совершенно различные событийные композиции в жизни человека! Симпатичное великодушие Любы Курановской — когда она систематически подкармливает женскую гвардию школьных техничек, дежурных, охранниц — не было бы возможно, если бы она не чувствовала хозяйственно-экономическую «гравитацию» ее двух земельных паев и постоянно практикуемых неформально-экономических акций. Такая ее тороватость оказывается здесь, в сущности, не чем иным, как сигналом и символом общинного благочестия, некой социальной молитвой или, может быть, освобождающим обрядом христианского подаяния. К тому же, поскольку все это происходит на миру, на людях, это неизбежно выстраивает для Любы репутационный защитный кокон, плотно маскирующий ее подлинное, центростремительное, захлопывающееся в себе, удаляющее ее от этого деревенского мира настроение. А внутри него, в прикрытой, теневой зоне, она действует гораздо более свободно и отчаянно. Помнится, рассказчица довольно сурово обошлась со своей язвительной и «поддергивающей» подружкой, решительно обрезав былые отношения. Всем этим непростым эволюциям соответствует дискурс обдуманной и вполне рациональной распорядительности, в котором загустевают и набирают крепость жизненные устои, быстро обновляемые надвинувшимся на станичников аграрным капитализмом. Что же касается однотипных и монотонных дискурсивных практик крестьянских стариков, то они выглядят довольно архаично элементарно — как автоматы давно установленного порядка, как речевые оболочки синкретизма исконного деревенского обычая.

У нас в станице стало скучно. Все сейчас заняты своим делом — лишь бы выжить, лишь бы не упасть в бедность и в страданья. Люди этого уже вдоволь хлебнули и понимают, что времена идут тяжкие. В центр почти не ходишь. А что ходить, коли денег нету. Чего в этом разе зря идти? Только позориться. Даже те, которые держат магазины, те, которые торгуют, и те не сильно шикуют, как мне кажется. И люди гораздо больше именно своим хозяйством занимаются — быков держат, свиней. Сейчас стало больше живности в станице. Даже по запаху ощущается — в станице скота прибавилось... Огороды за станицей люди побросали — невыгодно, сил много на них

уходит. Животными в основном занялись. Вот у нас тут недалеко частная собственная ферма. Все сделано чисто, аккуратно. И не скажу, что роскошные сараи. Просто каркас обтянули толем и пластиком и держат здоровенных быков. Сена много во дворе заготовлено... Ну, что еще?.. Мой друг Вова научил меня торговать. Я ведь раньше никогда не торговала — так, если с соседями обменяешься чем-нибудь. А у моего друга была возможность привозить с молокозавода творожную массу. Ну ту, из которой сырки делают. Но эта масса вроде как паста. Она без добавок, которые ее делают сладкой, ароматной. Просто паста, в больших пластиковых мешках-контейнерах. Килограммов по восемь-десять. И он эти мешки как-то с молокозавода утягивал... Вот он мне говорит: «Люба, у меня денег нет, чтобы тебе дать. А вот тебе пять-шесть мешков творожной массы. Занимайся! Ищи клиентов!» Я сперва и не знала, с чего начинать. Кому предложить? Как ее продать? А теперь у меня целая клиентура, и все они ждут очередного завоза. Друг мой последний раз привез пятьдесят пять килограммов. Я сразу пять кило себе на еду оставила. А остальные мешки я в школе за сорок минут продала, а потом в больницу забежала, и у меня остаток массы за пять минут расхватали. И еще бы брали, но у меня все закончилось. Берут и по четыре, и по десять килограммов. Но цену я сильно не завышаю, не наживаюсь на людях. Если обычный творог на рынке стоит девяносто рублей за килограмм, то паста творожная — а она вкуснее, чем творог, хотя и без сахара, — уходит у меня по восемьдесят. И эти три тысячи, которые я за массу выручила, фактически моя вторая зарплата. И я ее заработала буквально за один час. И еще. У него, как я говорила, такая манера — он никогда почти не давал нам денег. Он мне цемента привозил, двери покупал, лампочки, провода, арматуру всякую. На стол привезет, покушать и попить. А денег не давал. Принципиально. И это не случайно. Когда он еще со своей женой жил, та как-то попросила у него миллион заплатить репетитору дочки. Это было еще в середине 1990-х, когда миллионы были в ходу. Ну, дал денег и уехал в рейс. Когда приехал, спросил: «Ну как репетитор?» Жена: «Да никак, дочка отказалась заниматься!» И миллиона того нэмае — жена шмоток, обновок понакупила. И миллиона нету, и девочку не выучила. И с этих пор он денег не дает. Бывает, стоим в магазине, смотрим. Он спрашивает: «Ну, чего тебе купить?» А я и не знаю, что мне хочется... Он привозит много еды — не кусочек, а кусок. Когда уезжает, у меня в холодильнике полно всего. Постепенно он денег нам стал давать, но адресно. Или Лене, или Леше. На обучение, на компьютер, на одежду. И я всегда передавала эти деньги детям. Я ни копейки оттуда не потянула! Я вот думаю иногда: подмял он меня. Сделал зависимой и покорной. Думаю: отнял он у меня собственное мнение? Наверное, да! Но нет худа без добра. Я при нем научилась меньше давать в долг. Меньше сама стала залезать в долги. Научилась тратить по назначению. Научилась рассчитывать и прикидывать на будущее. И я в послед-

нее время всегда и во всем отчетность ему даю. Я, мол, сделала и то, и то, и то... Он приедет и, может быть, не заметит всего, что я сделала. Но я уверена: жила бы я одна, я бы этого ничего не сделала. Не сообразила бы. И еще — чтобы его порадовать и чтобы заслужить его похвалу и одобрение, я делаю и то, и другое, и третье! В общем, стимул есть у меня!..

Как соотнести те, в сущности, полярные личностные свойства, которые демонстрирует здесь наша респондентка? Как взаимоувязать эти две, движущиеся противоходом, ее настроенности — удивительное умение самостоятельно выживать, ловко выкручиваться в тяжких ситуациях, виртуозно распоряжаться скудным набором доступных ей ресурсов и этот невеселый вздох: *«...подмял он меня. Сделал зависимой и покорной»*? Как рационально сопоставить ее предельную аккуратность в соседских отношениях, ее безошибочные инстинкты единственно правильного позиционирования в социальном пространстве станицы и такой ее грустный вывод — *«отнял он у меня собственное мнение»*? Откуда прилетела в нашу обычную (не исповедальную, не покаянную, не драматическую) беседу подобного рода дискурсивная интонация? Не является ли она сигналом заметной и очевидной модернизации крестьянских дискурсивных форматов, которая совершается под влиянием агрессивно наседающего на массовую простодушную аудиторию телевидения, с его «Пусть говорят», «Давай поженимся», «ургантами» и мыльными сериалами? Ведь деревня, в отличие от города, не отходит на досуге от телеэкрана. А именно эта теле-поп-культура систематически выжимает эмоцию, «давит на жалость», побуждает блуждать в джунглях психики и разбираться в хитросплетениях душевного устройства. Именно это обстоятельство, как мне кажется, и вносит нестандартные каденции в дискурсивную мелодию повседневного существования Любови Курановской. Дискурсивная традиция, как может показаться, в этом пункте рвется. Однако серьезно обнадеживает здесь ощутимое наличие того неубиваемого социально-культурного таланта, который чуть ли не генетически свойствен народному женскому характеру, — таланта служения семье, умения подчиняться обычаю, способности покоряться мужчине. И это не пустые слова: *«...чтобы его порадовать и чтобы заслужить его похвалу и одобрение, я делаю и то, и другое, и третье!»*

Ох, отопительный котел у меня много денег утягивает. Хотя с тех пор, как Лена уехала, коммуналка у меня вниз пошла. И за свет я плачу намного меньше, и за газ. В прошлом году, зимой, я платила около двух тысяч. Сколько в этом году — пока не знаю. Ведь все опять подорожало. Сейчас, на данный момент, когда Лена уехала, я могу экономить сколько хочу. По полной программе! Я в магазин практически не хожу. Покупаю только хлеб и маргарин, что-

бы что-то испечь. Электричество не трачу — я почти круглый день на улице. Приду, телевизор пять минут посмотрю и отваливаюсь. Устала! Сплю... Правда, у меня целый день работает радио, а телевизор я не люблю. Иногда книгу почитаю, но больше всего люблю отгадывать кроссворды. Возьму чашку чая, порешаю кроссворд, отдохну и опять во двор, на грядку... Я стала замечать, что сейчас настроение у народа какое-то невеселое. Так скажу: когда у меня была большая семья, когда сыновья и дочь жили при мне, я почти ничего не покупала. Но когда я пришла в школу работать, пять лет назад, девчата покупали дорогие вещи, которые в станицу торгаши привозили. Покупали дорогие книги. Покупали красивые кошельки, покупали золото. В долг. То есть на две-три уплаты. Допустим, женщина-торговка в следующий раз приезжает, и ты ей очередной платеж отдаешь. Но буквально в прошлом году к нам в станицу дорогие вещи перестали привозить. Потому что народ все это перестал покупать. Золото совсем не берут. Привозили товар обычно женщины, каневчане. Они в долг давали, с удовольствием. И никогда их не обманывали. Она записывает: такая-то взяла в долг, заплатила столько-то, осталось столько-то. В станице на магазинах списки должников висят. Это значит, что люди три-четыре месяца не отдают деньги. У нас всегда в долг дают. И в тот год, как вы исследование проводили — помните? — такая же картина была. Просто я тогда в долг ничего не брала. А сейчас беру. Хотя очень редко. Тут все от конкретной ситуации зависит. Вот сегодня: я кинулась и я понимаю, что у меня есть деньги. Но я также очень хорошо понимаю, что, если я куплю все, что хочу, мне будет нечего дать Лене. Просто не хватит. И я иду до магазина и говорю: «Девчонки, запишите мне продукты в долг». Набрала, что мне нужно. Они мне записали. Я зарплату получила — отдала. А деньги, которые у меня были дома, я дочери отдала. Хоть и не хотела, но ей надо было отдать... Бывает, что денег вообще нету. Тогда идешь в магазин и под запись берешь. На месяц. И торговцы не боятся давать. Отдадут! Куда же они денутся. Дело в том, что мы же все — станичка. Все на виду. Вот идут две продавщицы, встречаются: «Ты знаешь тетку Дусю с Широкой улицы? Она мне уже два месяца долг не отдает. Гадина!» — «Слушай, а она ко мне тоже приходила». — «Так не давай ей больше! Она ж и тебе не вернет!» Так что здесь не отдать... ну невозможно. Если мне в этом магазине не дадут, мне и в другом не дадут. Ведь везде же родственники, друзья. А если тебя жизнь прижала, ну как в долг не взять?! Поэтому все стараются в срок долги отдать, чтобы потом можно было вновь взять, вновь перебиться и перекрутиться. Поэтому вполне типично такое. Вот прихожу я в магазин и объявляю с порога: «Девчонки, зарплата! Долги вертаю!» Они довольны. А я им тут же: «Но вы сильно-то не расслабляйтеся, через три дня я опять к вам даром приду! У меня ж снова деньги закончатся!» (*Смеется.*) Они просто дают, и ты должен вернуть цену за взятый товар. Они с этого ничего не имеют. Но тут важно то, что хозяйка ма-

газина на то место, которое на полках освобождается, новый товар привозит, свежий. И в этом ее выгода. Торговля идет более шустро...

Очередная «технологическая карта» неформальных торгово-экономических практик в современной российской деревне демонстрируется здесь рассказчицей во всех подробностях. Надо сказать, что в самое последнее время эта разновидность неформальной экономики выглядит как заметно поблекшая. Списки должников с магазинных дверей исчезли. Но не потому, что институт должников сегодня себя изжил. Напротив, потенциальных должников прибавилось, многие сельские жители не в состоянии систематически прокормиться целиком из торговой сети из-за недостатка денежных средств. Поэтому люди сознательно ограничивают потребление, меньше покупают, больше налегают на продукты домашнего хозяйства, в основном на корнеплоды, другие овощи, а также на грибы, ягоды и прочие дикоросы.

Можно предположить, что актуальная сельская повседневность начнет изобретать некие новые формы неформальной экономической активности. Вот что удалось увидеть в самое последнее время. Во-первых, в оставленные ради городской жизни родовые деревенские дома стали приезжать их хозяева — старики, которых дети забрали в города. Они ухаживают за посадками картофеля, луковыми грядками и высаженной капустой. Поливают рассаду, пропалывают, травят вредителей. Их регулярно навещают дети с внуками. Отдыхают от города и работают в огороде. Осенью происходит динамичная уборка и вывоз — и урожая, и стариков — на зимние городские квартиры. Во-вторых, начали регулярно распахиваться огороды, прилегающие к брошенным домам. Это делается либо соседями, либо городскими знакомыми соседей. И поэтому такой вроде бы самовольный захват земли не расценивается в деревне как недопустимое нахальство горожан. Цель в данном случае та же — обеспечить базовым пропитанием семью и тем самым облегчить нагрузку на семейный бюджет. Эти новые процессы порождают и необычные дискурсивные форматы. Летом 2016 года мной было записано и снято на видео несколько интереснейших разговоров со стариками, которых я про себя называю «городской хозяйственной десантурой». Эти материалы ждут своего аналитического часа.

> Раньше как ходили в гости? Запросто. И на стол ставили, что есть в доме. Всему были рады. А сейчас? Сейчас специально думаешь, что на стол поставить. И ты сама, и те, другие, которые к тебе в гости придут, — думаем, и стараемся, и ожидаем, чтобы стол был шикарный. Неудобно, когда у тебя на столе ничего особого нет. Хотя сама я могу приготовить хороший стол только из своих продуктов! (*Смеется.*) Вроде люди как-то и не сильно бедные стали, но как-то ужимаются. В расходах, в покупках. Рынок у нас стал такой, что на нем иной раз и не продашь ничего, люди не берут. Стоят продав-

цы, а к ним не подходят... Да, много поменялось... Я гляжу на людей, удивляюсь. Думаю: ну вот, стали люди побогаче. Казалось бы — расслабиться можно. Погулять в свое удовольствие. Но — наоборот, все как-то замкнулись. Непонятно мне это... Чем богаче живут, тем безрадостней становятся. Скучно им! И потом, вот что стало заметно. Те, кто «поднялся», стали дружить с другими, а прежних друзей позабыли. Кто, наоборот, опустился, тот тоже сменил круг общения. И не потому, что так надо. А потому, что так само собой получилось. Например, взять моих кумовьев. Они по отношению ко мне очень высоко поднялись. Но мы с ними много лет дружим, и они ко мне не поменяли отношения. И мы общаемся. Так вот, мне соседка однажды говорит про них, про кумовьев: «Чего ж им не жить? Она пошла в магазин и накупила, что душа ее хочет! С такими-то деньгами!..» А я отвечаю: «Да, они предприниматели, да, у них есть деньги... Но ты, соседушка, ночами спишь, а она глаз не смыкает, у телефона сидит, пока он едет в станицу, груженный бензином или соляркой. Ведь не дай бог, если что случится на дороге!» Я говорю: «Ты спишь, а они до сих пор свиноматок держат, быками занимаются. До сих пор! Так что ж ты завидуешь?! Не спи! Заводи свиней, быков. И крутись! И богатей!» И вот она завидует — у них все есть! Так работай и ты! Не начинай за многое хвататься. Начинай со своего хозяйства, чтобы себя вдоволь прокормить. Смотришь: лишнее появилось, продать можно... А она сама не работает, а на людей завидует. Я, например, не завидую. Я не могу ничего продать со своего хозяйства. Но получилось так, что я картошки в прошлом году продала со своего огорода триста килограммов. Это много для меня. Я, вообще-то, не привыкла продавать... Но пытаюсь. Я масло продавала в прошлом году, я яйца всю зиму продаю. Скупщикам приезжим. Зимой яйца идут по тридцать рублей, а сейчас, по осени, — двадцать пять рублей десяток. У нас тут кризиса экономического меньше в том плане, что у нас всех очень много своего. Я имею в виду огород, живность — свое хозяйство. Я, конечно, вкладываю труд свой. Но у меня полный подвал закаток — консервов. Потом, у всех почти по станице есть земельные паи. А это и зерно, и масло, и сахар, и мука. У нас свой инкубатор. Если у тебя нет денег, ты идешь, берешь в долг цыплят, гусят. Они растут, а ты постепенно долг возвращаешь. Яйцо свое... Я так думаю — кто не ленится, тот выкрутится. Даже если не брать такое хозяйство, как у меня, сто курей, а, скажем, двадцать. Любая старушка может два десятка курочек держать на яичко, а петушка — чтобы зарезать. Цыплята в этом году стоили сто пятьдесят рублей за десяток. Люди наши берут потребительские кредиты — чтобы купить музыкальную аппаратуру, купить культиваторы, землю рыхлить. Тогда за пахоту платить не надо. Моторчики всякие покупают, чтобы качать воду, чтобы обрезать. Так что берут мелкие кредиты, которые вернуть можно. А крупные кредиты брать боятся — не потянут их люди. Я вот на свадебный подарок кредит брала и по тысяче шестьсот рублей выплачивала. Очень это для меня тяжело! Еле вы-

платила. А подарок был такой: холодильник с морозильной камерой и микроволновая печь. А свадебные расходы — это само собой. Я сама и самогонку варила, и продукты на стол брала из хозяйства, и готовила. Но остальное? Я сказала Жене и невесте: сами платите за свадьбу. Хватит с меня и того, что я семнадцать тысяч кредита взяла вам на подарок. Так что крутитесь! И вот когда я своим пацанам отказала во всем, они начали крутиться. Смотрю: один за семью взялся, работает, помогает. Другой работу активно ищет. В Краснодар уехал, цепляется там за заработки. Это чтобы у меня не просить и свою мужскую гордость соблюдать. И как-то легче жизнь пошла. Психологически. Я всегда ощущала себя, что мне как-то постоянно неудобно перед детьми. Как-то стыдно. Вроде я все время должна им что-то давать. У них же денег нет... А что потом мне с долгами придется расплачиваться, тянуться — это второй вопрос. Иногда прихожу к ним, а они шикуют — когда получают деньги за работу. А я злюсь на это расточительство... А потом я сказала себе: Люба, не давай им денег. Сумку собери из того, что вырастила сама на грядке. Но насчет денег — окороти себя. А если им срочно деньги нужны, я им в долг даю, на определенный срок. И велю им точно вовремя рассчитываться. Но я сама на это дело чаще всего деньги одалживаю, перезанимаю. Чаще всего у своей кумы. Она меня всегда выручает. Без всяких процентов. Тут как бывает? Вот она приносит денег, дает. Я: «Кума, тебе точно не надо самой?» Она: «Ты возьми. Вдруг ты не выкрутишься?» Я беру. Потом отдаю и тут же звоню: «Кума, ты еще не растратила деньги, которые я тебе вернула?» — «Пока нет».— «Хорошо, я сейчас опять за ними приду — невыкрутка у меня!» (*Смеется.*) Но я, конечно, стараюсь долги отдать сразу, чтобы они на мне не висели. Ведь и к тому, что на тебе долг висит, тоже привыкнуть можно. А эта привычка, я считаю,— шаг к финансовой смерти. Вернее, к психологической. Я еще ни разу на долгах не висела. И нигде не висела. (*Заливисто хохочет.*)

У нас раньше на многих домах висели таблички: «почетный человек, заслуженный...». А в этом году только четыре дома объявили такими. И из них я лично два дома знаю. Что это за дома? Маленькие, ничего особенного в них нет, только порядок. А могли бы назвать дома, которые кирпичные, которые с клумбами. Но не назвали. Я так думаю, что дали за то, что человек именно работает возле своего двора. Не за то давали, что человек может выстроить, а за то, что возле дома порядок, аккуратность, клумбочки. В общем, следы заботы и работы видны всякому... А всяким крутым, богатым — тем не давали. Сейчас вроде бы и ничего, сносно стали мы жить. В последнее время. Но для молодежи никакой перспективы не просматривается. Вот я одна, а их у меня трое. Что я им могу дать? Раньше — сложилася родня кучкой, хатку какую-то молодым стелюпали, и живут молодые. Или, скажем, кто-то помог, ссуду взяли в колхозе и справились. А сейчас? Какую ссуду надо взять, если хата сто́ит

у нас миллион! Это какая же зарплата должна быть у сына, у Жени, чтобы свою хату поставить? А цены на жилье? Я бы не сказала, что они дюже упали. Оно ж, видишь, край у нас богатый и народ из России к нам тянется. Паи земельные, раньше их только задешево можно было сдать. А сейчас неплохо — не меньше ста тысяч рублей пай стоит. У Лены есть кусок пая, половина. От покойного отца. И она, когда поменьше была, говорила: «Мама, сколько он стоит? Давай его продадим». Я ей: «Я тебе так продам, что ты будешь лететь отсюда без остановки, кувырком!» Деньги — это вода. Р-раз — и их нету. А пай — это корма, масло, сахар. И все это сначала мне, твоей матери, потом тебе, твоим детям, твоим внукам. Что такое пай? Это маленький кусочек земли. Его нет смысла обрабатывать, его нет смысла брать в аренду самому. Но бригада, где у тебя этот пай числится, тебе за него обязательно что-то выделит. А у некоторых этих паев знаешь сколько много?! По наследству досталось, давали на всех, кто работал в колхозе на тот момент, когда паями наделяли. А бывает и так, что человек до сих пор работает в колхозе, а пая у него нет. Почему? Да просто не попал в тот год, когда паи раздавали. Вот мне ж на Ваню пай не давали. И тут одна женщина мне позвонила: иди, мол, оформляй Ванин пай. Я ей: «Да ведь не дают же!..» Она: «Не разговаривай, иди и оформляй!» Я, правда, оформляла его месяца полтора. Потому что нужных документов на него не было. Но все-таки сделали. И мы Ванин пай с Леной поделили. Я — как жена, а Лена — как дочь и наследница. Поэтому у нас два пая — мой и Ванин, с Леной пополам. Но все это идет в одну ж семью. Так что Лена может взять документы и продать свою долю пая. А я ей: «Только попробуй!..» Но у нее сейчас с мозгами все в порядке стало. Она его не продаст. Но все время интересуется: «Сколько земля моя стоит?» И даже если она в будущем не будет работать в хозяйстве, даже если она в город жить уедет — приехала, получила долю и уехала. Не нужна ей натура? Пожалуйста: сдала, получила денежный эквивалент — и свободна. Вот Вовки Курановского, первого моего мужа, покойного, до сих пор паевая земля не оформлена, и его пай болтается где-то. Кому-то прибыль приносит...»

Это был заключительный фрагмент устной повести Любови Курановской. После 2012 года, когда он был записан, мы несколько раз приезжали в Привольную и подолгу разговаривали с нашей постоянной респонденткой. Везли ей нехитрые хозяйственные подарки, сами ощущали на себе ее щедрое и вместе с тем строгое гостеприимство. Рассказы Любы не стали дискурсивно иными — в них сохранилась их особенная бытийная энергетика, в них остался неистраченным запас экзистенциального упрямства и в то же время они не впитали из воздуха времени настроение некоторого цинизма, социальной вялости и обездвиживающей искушенности. Но стало заметно, что в ее новых повестях слегка упал градус былого

жизненного азарта, биения, импульсивного рвения. Повеяло мудрой успокоенностью. Дискурс прежнего «кругового обзора» — когда Люба с крестьянской обстоятельностью, буквально поэлементно, перебирала и укладывала по порядку актуальные жизненные обстоятельства, — приобрел черты гораздо более выверенной, подчеркнуто рациональной, продуманной акции, чем три и тем более десять лет назад.

В нем запечатлен новый, раньше не столь рельефно обозначенный, облик социально-экономического и политического деревенского пространства. Новизна эта в очевидной агонии тех институций, которые удерживали крестьянскую повседневность в ее традиционных параметрах. Сворачиваются и на глазах умирают производственные структуры, улетучиваются традиционные профессии, усыхают штатные расписания с перечнем привычных и желанных рабочих мест, закрываются местного происхождения торгово-сбытовые учреждения и промысловые структуры.

Одновременно эти годы — время медленного, но ощутимого свертывания капиллярной сосудистой сети межсемейных связей, обеспечивающих процесс воспроизводства крохотной, но животворной экономики домохозяйств. Разумеется, на место умирающих приходят модернизированные структуры, вход в которые жестко регламентирован, затруднен и порой просто дорог. Заметно регламентируются и формализуются отношения с агрохолдингом, бывшим колхозом (устройство на работу, аренда земельных паев, нормы натурального расчета и др.). Получается, что социальный крестьянский мир систематически и неуклонно выдавливается в иную, чем прежде, незнакомую и необжитую, чужую среду повседневного существования. Эта смена декораций предвещает наступление очередного акта жизненной пьесы. Вероятно, в сельских глубинах России происходят процессы, в своей основе родственные тем, какие можно наблюдать и в целом мире. О них выразительно писал англо-германский социолог Р. Дарендорф: «Современный мир во многих отношениях — весьма неуютное место, открывающее новые шансы, но при этом разрывающее старые связи, без которых жить все-таки трудно. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется... Появляются воспоминания, идущие из самых недр истории, воспоминания об утраченной теплоте гнезда старых социальных взаимосвязей. Люди теряют опору, которую им могут дать лишь глубинные культурные связи; в конце концов уже все идет не так, все становится равнозначно, а следовательно — безразлично...» (Дарендорф, 2002: 68).

Уж не об этом ли простодушно, обстоятельно и с некоторым удивлением рассказывает Люба Курановская? И не отсюда ли та необычная для ее добросердечной натуры экзистенциальная «злость» Любы, о которой она откровенно поведала в начале своего нового рассказа? Скорее всего, это так. Кстати, этим же «безразличием», которое не было симптоматически свойственно преж-

ним порядкам станичного бытия, питается скука и отчужденность, о которой не раз упомянула наша собеседница. И вероятно, отсюда же то ощутимо встающее в дискурсе Любови Курановской экзистенциальное одиночество, которое объясняется отнюдь не только тем, что ее подросшие дети вылетели из семейного гнезда и перекочевали в более просторный в сравнении со станичным мир...

Что же впереди? Как, в каком направлении будут меняться формы и нормы дискурсивных практик новых (условных, модернизированных, «ренессансных») крестьян? Время покажет. Вместе с тем намек на грядущее развитие уже не подлинно крестьянских, вполне традиционных, а неких полисистемных, комбинированных, многополярных негородских социально-экономических миров, то есть, в сущности, указание на возможные линии эволюции современного социума, также содержится в упомянутой выше работе Р. Дарендорфа. Вот как формулируется эта обнадеживающая диагностика: «Новая жажда аутентичности питает поиски реальных, а не формальных отношений, т. е. легитимности, обусловленной греющим душу ощущением перманентного дискурса, а не правом и институтами, на нем основанными» (Дарендорф, 2002: 207). Примечательно, что автор терминологически обращается здесь именно к «дискурсу» как форме и способу самопонимания и самоутверждения субъекта. Обращает на себя внимание также и то, что в мысли автора растворен оптимизм, укрепляющий разум и ободряющий душу.

Ральфу Дарендорфу и хочется, и следует верить. И поэтому наша забота — постараться поискать эти «реальные отношения». Последние непременно проявятся, развернутся. Они покажут себя в череде событий изменяющегося крестьянского мира, отпечатаются в его длящейся нарративности, зримо проступят в многообразии его изъявительных, в том числе дискурсивных, форматов.

Библиография

Виноградский В. Г., Виноградская О. Я., Никулин А. М., Фадеева О. П. (2002). Жизнь Любы Курановской: семья, хозяйство, бюджет // Социологические исследования. № 1. С. 61–76.

Виноградский В. Г., Виноградская О. Я., Никулин А. М., Фадеева О. П. (2002). Жизненные круги Любы Курановской // Социологические исследования. № 11. С. 100–109.

Дарендорф Р. (2002). Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Шанин Т. (1999). Эксполярные экономики и политэкономия обочин: Формы хозяйства вне систем // Неформальная экономика. Россия и мир: сб. / ред. Т. Шанин; пер. и ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. М.: Логос. С. 545–554.

Forms of informality: Invisible economy of the peasant house

Valery Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82, Russia. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

The article presents author's interpretation of a number of interviews with the head of the household in the Kuban village, the mother of three children, Lyubov Kuranovskaya, who, while answering the interviewer's questions, created a detailed picture of peasant everyday life, of the rural formal and informal economy. Fifteen years ago, the journal "Sociological Studies" published the first data of this project, and the articles were not typical for such a scientific edition. In the special foreword, the Editorial Board mentioned that the journal usually did not publish such research documents (reports, tables, interviews, etc.); however, an exception was made for the text was of a great value in terms of its content, and it was an example of qualitative interviewing that could be further analyzed. Thus, the respondent 'received a voice' and told the readers about her life without any analytical explanations and generalizations. Lyuba Kuranovskaya still lives in the Kuban stanitsa, though much has changed in fifteen years. The author follows the publishing format of 2002 to show Lyubov Ivanovna's present life practices, and focuses on those aspects of her family economy that are usually named 'informal', 'expolar', 'shadow' or 'invisible'. Lyuba talks about her life sincerely, trustingly, and picturesquely. The words speak for themselves — the narrator tries to discursively support her own life world so that to move confidently into the future. The text presents fragments of narratives recorded in 2000 and 2012 (previously not published) together with short comments aimed to tie up current and previous life experiences of Lyubov Ivanovna Kuranovskaya.

Key words: in-depth interview; types of informality; family economy; peasant life practices; peasant worlds; rural sociology; discourse of rural everyday life

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-101-120

References

Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya., Nikulin A. M., Fadeeva O. P. (2002) Zhizn Lyuby Kuranovskoy: semya, hozyaystvo, byudzhet [Life of Lyuba Kuranovskaya: Family, economy, incomes]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 61–76.

Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya., Nikulin A. M., Fadeeva O. P. (2002) Zhiznennye krugi Lyuby Kuranovskoy [Life circles of Lyuba Kuranovskaya]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 100–109.

Dahrendorf R. (2002) *Sovremennyy socialnyy konflikt. Ocherk politiki svobody* [The Modern Social Conflict]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN).

Shanin T. (1999) Ekspolyarnye ekonomiki i politekonomiya obochin: Formy hozyaystva vne sistem [Expolar economies and political economy of the margins: Economical forms beyond the systems]. *Neformalnaya ekonomika. Rossiya i mir*. Red. T. Shanin; Per. i red. I. Davydovoy, E. Kovaleva, A. Nikulina. Moscow: Logos, pp. 545–554.